

Однако текстологическое исследование обоих рассказов, как нам представляется, не только не опровергает, но, напротив, подтверждает более широкие данные о соотношении соответствующих летописных сводов в целом. М. А. Салмина показала, что рассказ о Куликовской битве в Московском своде и Ермолинской летописи представляет собой не первичный текст, а сокращение (в Ермолинской более значительное, чем в Московском своде) повести «Новгородско-Софийского свода» (С1Л—Н4Л); в Ермолинской летописи обнаруживаются непоследовательности, свидетельствующие о вторичности текста.¹⁸ Сходные наблюдения могут быть сделаны и над рассказом о нашествии Тохтамыша в 1382 г. Сопоставление текстов С1Л—Н4Л, с одной стороны, и Московского свода — Ермолинской, с другой, свидетельствует о сокращении первоначального рассказа в Ермолинской и Московском своде. В своде, лежащем в основе С1Л—Н4Л, москвичи, оборонявшие город в отсутствие князя, оценивались резко отрицательно: «...ввсташа вечем народи мятежници, недобрини человеци, людие крамолници: хотящих изыти из града не токмо не пушаху вон из града, но и грабляху, ни самого митрополита постыдишеса, ни бояр нарочитых...».¹⁹ В Московском своде текст сокращен, фраза о москвичах читается так: «...и сташа суймом народи, мятежников же и крамольников, иже хотяху изыти из града, не токмо не пушаху, но и грабляху, ни самого митрополита не постыдишаса, ни бояр великих...».²⁰ Примерно так же построен текст и в Ермолинской летописи: «И сташа суймом, а инии по вратом, а инии на вратех на всех, не токмо пушати хотяху из града крамольников и мятежников, но и грабляху их, ни самого митрополита усрамилися, но на вся огрозишаса, ни бояр великих устрашишаса...». Как видим, в Московском своде и в Ермолинской слова «крамольники и мятежники» поставлены в ином падеже, чем в Н4Л—С1Л, и в таком контексте эти слова могут быть отнесены не к восставшим «суймом» горожанам, а к лицам, пытавшимся бежать из города. Осудительная оценка беглецов могла, вероятно, казаться летописцам более справедливой, чем осуждение защитников города, но вторичность этого варианта все-таки обнаруживается из того, что в конце фразы защитники города и здесь обвиняются в бесстыдстве и неуважении к боярам и митрополиту. Очевидно, первоначальный текст был написан лицом, вовсе не сочувствовавшим московским «вечникам» (которых, кстати, автору XV в. естественнее было назвать «мятежниками» и «крамольниками», чем беглецов-бояр).

О позднем происхождении рассказа Ермолинской летописи свидетельствуют и слова этого рассказа (отсутствующие и в Московском своде) о кремлевских стенах времени Дмитрия Донского — «еще бо тогда граду тому ниску сущу»,²¹ слова, которые можно было написать, очевидно, лишь после перестройки кремлевских стен в 80-х годах XV в.²²

Само собой разумеется, что построения исследователей по истории летописания XV в. вовсе не бесспорны; они могут и должны быть подвергнуты пересмотру, если обнаружатся новые данные, противоречащие таким построениям. Но для того чтобы быть убедительной, любая новая схема соотношений между летописями (и отдельными летописными рас-

¹⁸ М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». стр. 347—349.

¹⁹ ПСРЛ, т. IV, стр. 85.

²⁰ ПСРЛ, т. XXV, стр. 207.

²¹ ПСРЛ, т. XXIII, стр. 128.

²² Первая известная нам перестройка Кремля (после построения каменного «града» в 1367 г.) относится к 1485—1488 гг. (ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, стр. 271—272).